

С. М. Соловьёв

История России с древнейших времен

Том 29

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. М. Соловьёв**
История России с древнейших времен: Том 29 / С. М. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2022. – 137 с.

ISBN 978-5-518-09922-7

ISBN 978-5-518-09922-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стороны многотруднымъ далеко больше найдено неудобнымъ. Будучи на той сторонѣ, бывшіе со мною тамъ генералы остаются свидѣтели, сколько я старался до послѣдней черты, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить высочайшую волю вашего императорскаго величества, имѣя токмо подъ именемъ арміи корпусъ небольшой въ 13,000 пѣхоты на всѣ дѣйствія съ визирскими силами, которыя, однакожь, побиты и разсыпаны: словомъ, не испытано развѣ только то, чего одолѣть не можетъ человѣчество. Черезъ сей походъ многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайняго изнуренія, и я не могу сокрыть предъ вашими величествами угнетающихъ меня теперь трудностей по пункту оборонительнаго положенія, въ которое не легко мнѣ понасть съ прежнею твердостью, рушившись изъ онаго до самой пяты. Еще я дерзаю изъяснить предъ вами духъ усерднаго и вѣрнаго раба о положеніи сопротивнаго дунайскаго берега по очевидному уже моему дознанію, что если бы продолжать на немъ военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надобно армію, ибо толикаго числа требуетъ твердая нога, которой безъ того имѣть тамъ не можно въ разсужденіи широты рѣки, позади остающейся, и трудныхъ проходовъ, способствующихъ отрѣзанію со всѣхъ сторонъ, для прикрытія которыхъ надобно поставить особливые корпусы, не связывая тѣмъ руки наступательно дѣйствующаго, который чрезъ лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ вновь строить. Пораженъ давно уже духъ мой прискорбностію, что я не удостоиваюсь на письмѣ видѣть знаки монаршаго благоволенія, если только доходятъ къ вашему императорскому величеству мои всеподданнѣйшія; сокрушается и то, когда ходатайство мое о многихъ здѣсь служащихъ не служитъ на ихъ пользу, и безъ того и упадаетъ въ подчиненныхъ ревнованіе, которыхъ и не имѣю ничѣмъ другимъ ободрить; да и многія мои донесенія о недостаткахъ и нужномъ ополченіи не приобрѣтаютъ содѣятельности: и чувствую и предвижу, что, когда не въ усердіи, на которое никто неправды положить не можетъ, то находятъ во мнѣ недостатки въ способностяхъ, и, дѣлая меня человѣкомъ, встрѣчающимъ во всемъ трудности, лишаютъ меня довѣренности вашей. Сознаю предъ вашими императорскими величествами, что, служа не первую войну, пять лѣтъ сряду ощущалъ я ослабленіе въ себѣ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а полагая счастье свое въ угожденіи высочайшей волѣ вашего императорскаго величества и въ благодѣіи отечества моего, охотно я такового желаю увидѣть на своемъ здѣсь мѣстѣ, кто лучше находитъ моего способы удовлетворить обоимъ симъ драгоценнымъ предметамъ“.

15 іюля, въ присутствіи императрицы, читали въ Совѣтѣ оффиціальное донесеніе Румянцева о возвращеніи на лѣвый берегъ Дуная. Впечатлѣніе было сильное: говорили, что возвращеніе фельдмаршала подастъ поводъ къ неприятнымъ толкамъ, возгордить Турокъ и удалить желаемое заключе-

ніе мира. Высказалось неудовольствіе противъ Румянцева; говорили, что его требованія слишкомъ велики, ибѣтъ средствъ увеличить первую армію въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ хочетъ. Зачѣмъ онъ перешелъ Дунай, не обсудивши сначала всѣхъ трудностей: сраженія съ непріятелемъ, происшедшія попустому, разстроили армію, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца. Но какъ ни сердились, помочь дѣлу можно было только удовлетвореніемъ, хотя отчасти, требованіямъ фельдмаршала. Захаръ Чернышевъ предлагалъ, что по настоящему положенію Польскихъ дѣлъ можно послать въ первую армію нѣсколько полковъ изъ находившагося въ Польшѣ корпуса; что для ободренія фельдмаршала надобно отвѣчать на его донесеніе, увѣдомить его объ увеличеніи его арміи. Совѣтъ согласился, согласился и на другое предложеніе Чернышева—взять изъ Польши Бибикова, оставивъ тамъ генераль-поручика Романюса. Екатерина сама прочла вышеприведенное письмо къ ней Румянцева и, указавъ на жалобу фельдмаршала, велѣла, чтобъ по его представленіямъ немедленно было исполнено.

Письмо Румянцева было очень ловко написано: онъ извѣщалъ о непріятнѣйшемъ событіи, возбуждалъ противъ себя сильное негодованіе; но чтобъ это негодованіе не высказалось, въ концѣ находилось внушеніе, что если есть человѣкъ, который способенъ вести дѣло лучше, то онъ готовъ передать ему начальство надъ войскомъ; тутъ не было прямой просьбы объ увольненіи, а вызовъ прискать ему подобнаго или лучшаго. Такого прискать ему подобнаго или лучшаго. Такого прискать. рѣзультатъ, не могли; могли уволить Голицына. потому что въ виду былъ Румянцевъ, но другого кагульскаго побѣдителя не было. Румянцевъ не нашелъ себѣ соперника, который бы могъ замѣнить его на Дунаѣ, и, какъ легко было предвидѣть, возбужденное имъ негодованіе въ Совѣтѣ кончилось рѣшеніемъ ободрить его, увеличить его армію, исполнить его требованія относительно наградъ подчиненнымъ. Но Румянцевъ нашелъ себѣ сильную соперницу въ борьбѣ на письмахъ. Екатерина отвѣчала ему такъ же очень искусно, съ полнымъ достоинствомъ, спускательно, милостиво, съ постояннымъ выраженіемъ совершеннаго довѣрія къ искусству полководца, надежды, что онъ поведетъ дѣло какъ нельзя лучше, и, имѣя съ прочими внушеніемъ, что ему не слѣдуетъ предполагать враговъ, которые могутъ вредить ему при ней, съ указаніемъ, что и самъ онъ виноватъ въ ослабленіи своей арміи; наконецъ дано понять, что намекъ фельдмаршала на отставку не испугалъ ея, что она готова уволить его; но здѣсь такъ искусно была отстранена всякая тѣнь неудовольствія, раздраженія, что обидѣться и дѣйствительно подать просьбу объ увольненіи было нельзя: „Любя истинное благо имперіи“, писала Екатерина, „и для того желая не менѣе многихъ возстановленія мира, чистосердечно вамъ скажу, что извѣстіе о возвратномъ вашемъ перешествіи черезъ Дунай не столь мнѣ пріятно было, нежели первая ваша съ арміею

переправа чрезъ сію рѣку, съ которою я васъ столь искренно поздравляла письмомъ моимъ; ибо знаю, что возвращеніе ваше на здѣшній берегъ не будетъ служить къ ускоренію мира, оставляя, впрочемъ, безъ всякаго уваженія всѣ пустыя по всей Европѣ эхи, копни нѣсколько мѣсяцевъ сряду уши набиты будутъ: сіи сами собою, конечно, упадутъ, принявъ нашимъ ненавистникамъ пустое нѣкоторое удовольствіе, на которое взирать не станемъ. Что же касается до вашихъ персональных неприятностей, о коихъ вы ко мнѣ упоминаете, что зпѣ васъ выводятъ на пробу жестокою, тогда какъ силы вамъ ввѣренныя, приведены въ сильное ослабленіе, и для того вы ко мнѣ о всѣхъ трудностяхъ перехода черезъ Дунай живое описаніе дѣлаете: то, входя во всѣ ваши обстоятельства коллико возможно подробнѣе, откровенно вамъ скажу, во-первыхъ, что я сихъ вашихъ неприятелей, на коихъ вы жалуетесь, не знаю, и объ нихъ, окромя отъ васъ, не слышала, да и слышать мнѣ объ нихъ было нельзя, ибо я слухъ свой закрываю отъ всѣхъ партикулярныхъ ссоръ, ушенадувателей не пмѣю, переносчиковъ не люблю и сплетней складчиковъ, кои людей вѣстими, ими же часто выдуманнми, приводятъ въ несогласіе, терпѣть не могу; сіи же люди обыкновенно иныхъ качествъ не имѣютъ къ пріобрѣтенію себѣ уваженія, окромя таковыхъ подлыхъ. Подобнымъ интригамъ я дороги заграждать обыкла, уничтожая ихъ; людей же, качествами своимъ и заслугами себя столь же какъ и чинами отъ другихъ отличившихъ, какъ вы, я не привыкла иначе судить, какъ по дѣламъ и усердію ихъ: и такъ надѣюсь, что вы по прошедшему времени, въ которое вы толикіе имѣли опыты моего благоволенія къ вамъ и многочисленнымъ вашимъ заслугамъ ко мнѣ и къ государству, будете судить о настоящемъ и о будущемъ моемъ къ вамъ расположеніи... Призвать я должна съ вами, что армія ваша не въ великомъ числѣ; но никогда изъ памяти моей исчезать не можетъ надпись моего обелиска, по случаю побѣды при Кагулѣ на немъ исчеканенная, что вы, имѣвъ не болѣе 17,000 человекъ въ строю, однако славно побѣдили многочисленную толпу. Сожалѣю весьма, что чрезъ сей вашъ бывшій многотрудный весьма за Дунай и обратный походъ утомлены сіи храбрые люди, и что лошади дошли до крайняго изнуренія; но надѣюсь, что вашимъ же, извѣстнымъ мнѣ объ нихъ всегдашнимъ попеченіемъ, и люди, и лошади пакы приходятъ будутъ въ прежнее ихъ состояніе. Что же ваше оборонительное положеніе рушилось до самаго основанія и вамъ не легко будетъ оное возстановить, сіе себѣ представить могу не безтруднымъ для васъ, ибо чрезъ мѣсяцъ ваша позиція три разныя вида получила; а именно: первая — ваше положеніе по сию сторону Дуная, потомъ — наступательная переправа черезъ Дунай, и за сямъ — обратный походъ вашъ, совокупленный съ возстановленіемъ пакы оборонительнаго положенія. Всѣ сіи, такъ сказать, переправы, конечно, соединены быть должны съ ве-

малыми трудностями и заботами. Но, зная ваше искусство и пынгавъ усердную ревность вашу, не сумнѣваюсь, что въ какихъ бы вы ни напались затрудненіяхъ, съ честію изъ оныхъ выйдете умѣть будете... Что же ваша тѣлесная сплѣ чрезъ войну, веденную пять лѣтъ сряду, прішпи въ ослабленіе даже до того, что вы охотно желаете увидѣть такового на вашемъ мѣстѣ, который бы, такъ, какъ вы, полагалъ счастье свое въ ужожденіи волѣ моей и въ благѣ отечества, о семъ осталось мнѣ сердечно жалѣть, и конечно, коллико Богъ подкрѣпитъ тѣлесныя и душевныя силы ваши, имперія не пакно какъ съ довѣренностію отъ васъ ожидать должна дѣла, соотвѣтствующаго уже пріобрѣтенной вами ей и себѣ славы; но со всѣмъ тѣмъ, если, по человечеству свойственнымъ припадкамъ, вы, къ обѣму сожалѣнію и моему, не въ силахъ себя нашли продолжать искусное ваше руководство, то и въ семъ случаѣ я-бъ поступила съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ находящимся, уваженіемъ“.

Румянцевъ въ отвѣтъ своемъ (отъ 18-го августа) призналъ, что почувствовалъ много отрады отъ словъ и милостей государыни, и не хотѣлъ оставить безъ возраженія словъ ея относительно его враговъ: „Что я ихъ, къ несчастію, пмѣю, то к чему мои объяспенія о томъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, яко монархиню премудрую и пропцающею глубоко во всѣ дѣйствія и ихъ причины, которыми они противъ меня прямо идуть, и своимъ новозобрѣтеніями, въ опроверженіе моихъ, представляютъ и подобности и возможности и удобства, и иной видъ въ счетѣ даютъ на бумагѣ войску, нежели оный есть въ дѣлѣ, и тѣмъ ставятъ меня въ исполненіи непреодолимыхъ обстоятельствъ или неготовымъ, или неискуснымъ, и всяческимъ образомъ смѣшиваютъ къ полученію награжденія прямымъ военноподвижниковъ не только на ряду старинства съ находящимися виѣ войны, но и съ тѣми, кои, подъ разными видами явно удаляясь отъ службы и нерѣдкія въ нареканіяхъ и недовольствія противъ меня (имѣя), по новымъ штатамъ находятъ для себя выгодныя и полезныя мѣста, присвояютъ двойное жалованье при прежнемъ отправленіи службы и должности; изъемяютъ (т.-е. враги Румянцева) изъ вѣдѣнія моего чиновъ, привязанныхъ прямо ко мнѣ и неотлучно бытностію, по ввѣренному надъ арміею начальству, а чрезъ то честолюбіе, какъ лучшал подпора въ службѣ, и уваженіе къ начальнику упадетъ, негодованіе же и проски умножаться должны“. Румянцевъ оканчиваетъ письмо такъ: „По дальнему разстоянію не остается мнѣ надежды замѣствовать подкрѣпленіе въ пынѣшнюю кампанію отъ полковъ, назначенныхъ изъ польскаго корпуса; въ противномъ же усердному желанію моему состояніи и при истощеніи крайнихъ моихъ силъ, бывъ и теперь нѣсколько уже дней въ постели, надѣюсь на высочайшую милость вашего императорскаго величества, щедрымъ образомъ всѣмъ вѣрно и усердно служа-

щимъ являемую, что и мнѣ позволите на подобный случай оглуниться, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь подъ кровлю, ради спасенія послѣднихъ моихъ жизненныхъ силъ, ибо, терпя всю суровость воздуха, въ нынѣшнюю наипаче кампанію, чрезъ такъ чувствительныя и жестокия перемѣны погоды напоразительноѣ разорено мое здоровье“.

Въ описаніи дѣйствій враговъ своихъ Румянцевъ ясно указывалъ на Чернышева, управлявшаго Военною Коллегіей; онъ могъ подозрѣвать и Григорія Орлова; но тотъ, по крайней мѣрѣ, прямо написалъ ему, что публика негодуетъ на его образъ веденія войны ¹⁾. Румянцевъ отвѣчалъ: „Получа вашего сіятельства благосклоннѣйшее письмо, видѣлъ я въ немъ, какъ велико ваше ко мнѣ усердіе и сколько я несчастливъ въ благополеніи къ себѣ публики. Если бы такой былъ парламентъ, въ который бы можно позвать общество на судъ, и если бы и теперь рѣшались дѣла при мѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ ареонага, я бы съчетъ повелѣлъ съ нашею публикою: кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ, я ли еще одной, или уже она мнѣ должна. Вѣкъ провождая въ погѣ и трудахъ, не вкусилъ я той радости, что ощущаемъ, получа воздальніе своимъ заслугамъ. Всѣ трудящіеся имѣютъ мѣру и цѣну своимъ дѣламъ, но для одного меня предоставлено всегда дѣлать и тѣмъ только заслуживать негодованіе. Пускай забыты дѣла прежнія, и я ихъ не вспоминаю; но неужели настоящее положеніе мое не трогаетъ публику, когда торжествуютъ войска надъ Оттоманами, гдѣ не сражаются въ помощь водныхъ стихій ²⁾, но все учреждаетъ непрерывный трудъ. Изъ Рима и изъ Греціи неудовольствіе публики прогоняло лучшихъ полководцевъ, ихъ заслуги припомнили только въ нуждѣ, а иногда и поздно. И мой жребій, повидному, къ тому же преклоняетъ мое отечество: я былъ уже гонимъ отъ общаго неудовольствія, и готовиться должно и въ старости ту же претерпѣвать участь, когда моему несчастію причина только та, что я не умѣю себя рекомендовать инако, какъ моею службою. Я увѣрепъ, что мой мпловитый графъ не приемиетъ участія въ публичныхъ обо мнѣ заключеніяхъ; и такъ я вашу милость и дружбу ко мнѣ поставлю стѣною, о которую сокрушатся всѣ ухищренія ищущихъ мнѣ зла. Между тѣмъ скоро мы станемъ уже пить воду дунайскую“.

Но, къ несчастію, дунайскую воду должны были пить дважды, и, что бы ни писалось изъ Петербурга, Румянцевъ былъ убитъ горемъ вслѣдствіе невозможности остаться за Дунаемъ: „Боль во мнѣ душевная не можетъ исчезнуть“, писалъ онъ Екатеринѣ, которая находилась такъ же не въ завидномъ состояніи духа.

Англійскій посланникъ Гуппингъ писалъ своему

¹⁾ Письмо написано было еще до перехода на правый берегъ Дуная и вѣроятно для того, чтобы побудить фельдмаршала къ этому переходу.

²⁾ Намекъ на гр. Алексѣя Орлова.

Двору, что никогда не видалъ императрицы въ такомъ огорченіи; огорченіе это, по его мнѣнію, происходило не оттого, что она опасалась теперь вторженія Турокъ на лѣвую сторону Дуная, но оттого, что, вслѣдствіе безпрерывныхъ усѣховъ, она не можетъ перенести малѣйшей неудачи. 19-го августа она говорила въ Совѣтѣ: „Требуется вы отъ меня рекрутовъ для комплектованія арміи. Отъ 1767 года сей наборъ будетъ, по крайней мѣрѣ, и сколько моя память мнѣ служитъ, шестой. Во всѣхъ наборахъ близъ 300,000 человекъ рекрутъ собрано со всей имперіи. Въ томъ я съ вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требуетъ, но со сжиманіемъ сердца по челоуколюбію наборъ таковой всякій разъ подписываю, видя наипаче, что оныя для пресѣченія войны по сію пору безплодны были, хотя мы непріятелю нанесли много ущерба и сами людей довольнаго числа лишились. Изъ сего естественно родиться можетъ два вопроса, которые я себѣ и вамъ сдѣлаю, — первый: такъ ли мы употребляли силъ людей, чтобъ желаемый всѣмъ миръ могъ приблизиться? Второй: послѣ сего набора что вы намѣрены предпринимать къ славіи имперіи, которую ни въ чемъ иномъ не ставлю, какъ въ пользѣ ея? Оставляя говорить о прошедшихъ, лаврами увѣнчанныхъ кампаніяхъ, кои непріятеля принудили къ мирнымъ переговорамъ, въ отвѣтъ на первый сдѣланный мною вопросъ скажу о настоящемъ положеніи дѣлъ, что, къ сожалѣнію моему, вижу я, что сія кампанія повсюду безплодно кончится или уже и кончилась, и осталось намъ помышлять, не теряя времени, о будущемъ. Дабы очистить второй мною сдѣланный вопросъ, я повторю, чтобъ, не теряя времени, помышлять о томъ, что въ предыдущую кампанію предпринимать намъ за нужно почтено будетъ; развѣ за полезно почтете, чтобы сухопутныя и морскія наши противъ непріятеля силы остались точно въ томъ положеніи, въ какомъ нынѣ находятся, положеніе не дѣйствующее, которое я за полезно для приближенія желаемого нами мира не считаю, и которое, по моему мнѣнію, намъ скорѣе вторую сзади войну нанесетъ, нежели настоящую прекратить. Изъ рекрутскаго мнѣ предлагаемаго вами набора заключаю я, что вы упражняетесь слабденіемъ армій. Напомнить я за нужно вамъ нахожу, дабы вы Азовскаго моря эскадру изъ памяти не выпускали и оную, по возможности, привели въ наилучнѣйшее для дѣлъ состояніе. Но наипаче васъ прошу и вамъ повелѣваю: со всякою ревностію и усердіемъ стараться единодушно сдѣлать планъ, снабдить къ будущей кампаніи всѣхъ разныхъ командующихъ силами нашими такими наставленіями, дабы они вообще нашлись въ состояніи дѣйствовать противъ общаго непріятеля, и наши употребленные къ тому силы къ одному бы предмету ведены были, то-есть — къ достиженію блаженнаго мира, въ чемъ да поможетъ намъ Всевышній. Еще разъ весьма васъ прошу, чтобъ все сіе не осталось при насъ на бумагу написанныхъ

словахъ". Подписавъ указъ о рекрутскомъ наборѣ, Екатерина стала говорить о необходимости беречь новобранцевъ; нѣкоторые члены Совѣта представили, что смертность между ними происходитъ отъ перемѣны образа жизни и необыкновенныхъ переходовъ вслѣдствіе пространства имперіи; императрица приказала, чтобъ Сенатъ выѣстъ съ гр. Чернышевымъ рассмотреть и принять належащія мѣры къ пресѣченію случающихся при наборахъ злоупотребленій, и чтобы, для облегченія и сбереженія этихъ непривычныхъ людей, армія комплектовалась гарнизонными солдатами, а гарнизоны — рекрутами.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ засѣданіи 27 августа Чернышевъ читалъ свое мнѣніе, что по принятымъ теперь мѣрамъ, для увеличенія первой арміи къ будущей кампаніи до 116,000 человекъ, надобно потребовать отъ фельдмаршала заблаговременно мнѣніе, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать; что съ увеличенною такимъ образомъ арміею, кажется, можно, оставя на этой сторонѣ Дуная нужное число войскъ, перейти на ту сторону и тамъ утвердиться; что вторая армія, записная попрежнему Крымъ, можетъ съ помощью флота овладѣть Кинбурномъ. Если первая армія не будетъ въ состояніи перейти за Дунай и останется въ настоящемъ положеніи, то надобно отдѣлить отъ нея значительный корпусъ въ помощь второй арміи для взятія не только Кинбурна, но и Очакова, а между тѣмъ надобно стараться достигнуть желаемого мира переговорами, оставши отъ нѣкоторыхъ условій, особенно отъ требованія Еникале и Керчи, приобрѣтеніе которыхъ болѣе вредно, чѣмъ полезно (?). — Тутъ Панинъ удивилъ всѣхъ предложеніемъ, нельзя ли для сохраненія рекрутъ послать въ армію солдатъ изъ гарнизонныхъ и здѣсь находящихся полковъ, а ихъ мѣсто занять рекрутами. Чернышевъ отвѣчалъ, что въ прошедшее засѣданіе императрица именно приказала это сдѣлать. Въ засѣданіи 2-го сентября генераль-прокуроръ предлагалъ, нельзя ли дать графу Алексѣю Орлову свободу не пропускать провозимые въ Константинополь съѣстные припасы посредствомъ договора съ Англіею; но на это Панинъ отвѣчалъ, что прежнее запрещеніе провоза припасовъ возбудило неудовольствіе не только Франціи, но и всѣхъ торгующихъ державъ, и что, не будучи въ состояніи имъ тамъ противиться, мы не можемъ теперь возобновить это запрещеніе. Члены Совѣта такъ желали мира, что соглашались на уступку Татарамъ всѣхъ городовъ, въ томъ числѣ Керчи и Еникале, даже на ограниченіе для Россіи плаванія по Черному морю. Одинъ Григорій Орловъ былъ протпвнаго мнѣнія и доказывалъ, что никакія уступки не помогутъ, Турки не согласятся на совершенное отдѣленіе Татаръ, развѣ въ крайности. Прусскій король предлагалъ три средства къ достиженію мира: 1) принудить къ тому Порту силою оружія; 2) пригласить къ содѣйствію Австрійскій Дворъ; 3) от-

стать отъ нѣкоторыхъ условій, на которыя Порта упорно не соглашается. Екатерина замѣтила по поводу этихъ предложеній: „Заставить Турокъ силою подписать миръ. Для достиженія этого, надобно, чтобъ въ арміи фельдмаршала Румянцева было дѣйствительно 80,000 человекъ; кромѣ того, надобно заготовить магазины на цѣлый годъ, надобно имѣть на Черномъ морѣ флотъ для овладѣнія Варною. Предпріятіе требуетъ большихъ издержекъ и будетъ стоить множества народа. Пригласить Вѣнскій Дворъ содѣйствовать этому великому дѣлу диверсіей со стороны Вѣлграда—это будетъ наименѣе выгодно для Россіи, ибо Вѣнскій Дворъ захочетъ извлечь для себя такую значительную пользу, которая не будетъ согласоваться ни съ дѣйствительнымъ интересомъ Россіи, ни съ интересомъ другихъ европейскихъ государствъ; 3) уступить въ нѣкоторыхъ условіяхъ, особенно тяжелыхъ для Порты, пожертвовать нѣкоторыми выгодами въ пользу мира, вознаградить себя Очаковымъ или Бендерами за уступки. Первое есть самое блестящее, но и самое опасное; второе самое слабое и наименѣе политичное; третье находится въ срединѣ между обоими, это путь самый вѣрный и можно считать его самымъ благоразумнымъ“

Въ ноябрѣ получено было въ Петербургѣ донесеніе прусскаго министра въ Константинополь, что Турки могутъ уступить Россіи Кинбурнъ, если она отстанетъ отъ требованій Керчи и Еникале. Мы видѣли, что и прежде въ Совѣтѣ соглашались уже не требовать Керчи и Еникале; и теперь начались толки, что приобрѣтеніе Кинбурна можетъ быть намъ полезно какъ для постояннаго содержанія на Черномъ морѣ флота, такъ и для заведенія въ той сторонѣ торговли не только съ Турками, но и съ Польшею, по удобству водянаго сообщенія изъ него; что для этого надобно будетъ основать на Днѣпрѣ, ниже пороговъ, торговый городъ, которому Кинбурнъ, отрѣзанный каналомъ отъ твердой земли, служилъ бы какъ Кропштадтъ Петербургу; а для сообщенія съ Кинбурномъ сухимъ путемъ должно получить намъ отъ Татаръ весь лѣвый берегъ Днѣпра верстъ на пять шириною. Гр. Панинъ, „министръ иностранныхъ дѣлъ“, какъ его начали называть, представлялъ, что Портѣ трудно отказаться отъ Керчи и Еникале въ нашу пользу, а намъ неудобно ихъ содержать, и требовалъ, чтобъ прусскому министру въ Константинополь было поручено устроить дѣло соглашенія на этомъ основаніи. Но Орловъ опять представилъ свои возраженія: Кинбурнъ—крѣпость небольшая, не выѣющая гавани, не можетъ вознаградить за уступку Керчи и Еникале, не можетъ принести никакой пользы; торговля будетъ подвержена затрудненіямъ по причинѣ пороговъ и мелей, и если ужъ непременно нужно будетъ отдать Керчь и Еникале Татарамъ, то должно стараться получить вмѣстѣ съ Кинбурномъ Очаковъ и всю землю, лежащую между Днѣпромъ и Днѣстромъ,

не допуская Татаръ селиться въ Бессарабіи. Ему возражали, что Турки на это не согласятся. По случаю этихъ споровъ въ Совѣтѣ признались въ ошибочности плана относительно независимости Татаръ, признались, что „на совершенное Татаръ отъ Турокъ отдѣленіе потребно еще много времени и трудовъ“. Сама Екатерина пристала къ тому мнѣнію, что Турки не согласятся на уступку Очакова. Орловъ представлялъ, что можно согласиться на сіе разореніе; что тогда, выговоривъ въ трактатѣ свободу обѣимъ сторонамъ строить крѣпости, можемъ построить вмѣсто Очакова лучшую крѣпость; если мы будемъ имѣть землю между Днѣпромъ и Днѣстромъ, то станетъ выходить множество Молдаванъ и Валаховъ и скоро всю ее заселить; земля эта станетъ тогда преградой между Турками и Татарами, пресѣчетъ между ними всякое сообщеніе сухимъ путемъ. Захаръ Чернышевъ возражалъ, что земля эта обойдется намъ дорого, нужно будетъ заводить тамъ крѣпости и держать въ нихъ гарнизоны. Орловъ отвѣчалъ, что нѣтъ намъ никакой надобности въ крѣпостяхъ. Кто-то замѣтилъ, что у Татаръ будетъ плохая вольность, если оставить за султаномъ, какъ калифомъ, верховную власть въ верховныхъ дѣлахъ, если допустить, что татарскіе судьи будутъ опредѣляться константинопольскимъ муфтіемъ. Панинъ на это повторилъ признаніе, что независимость Татаръ вдругъ утвердить никакъ нельзя, что это дѣло еще много трудовъ потребуетъ. Наконецъ Екатерина приказала чрезъ прусскаго министра внушить Туркамъ, что Керчь и Еникале оставлены будутъ Татарамъ, но за это Россія должна получить Очаковъ и Кибурнъ, и при этомъ объявить, что императрица никогда не отступитъ отъ условій о татарской вольности и отъ плаванія по Черному морю, хотя бы война продолжалась еще 10 лѣтъ. Когда Екатерина вышла изъ Совѣта, Панинъ предложилъ на его рѣшеніе вопросъ: какъ заключить миръ съ Портою, непосредственно ли, или посредствомъ Австрійскаго и Французскаго Дворовъ. Совѣтъ рѣшилъ, что непосредственно, хотя бы мы этимъ способомъ и не получили тѣхъ выгодъ, какія могло бы намъ доставить постороннее посредство.

Какъ ни протестовалъ Румянцевъ противъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго его обратнымъ переходомъ за Дунай, онъ видѣлъ хорошо, что нельзя дать году окончиться подъ этимъ впечатлѣніемъ. Въ октябрѣ онъ отправилъ за Дунай два отряда войскъ подъ начальствомъ генераль-поручиковъ барона Унгерна и князя Долгорукаго, которые палили на Турокъ у Карасу и нанесли имъ совершенное пораженіе; весь лагерь съ 11 пушками, 18 знаменъ, три бунчука, множество военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ; Турки потеряли 1,500 убитыми и 772 плѣнными, въ томъ числѣ былъ трехбунчукный паша Омеръ; городъ Базарджикъ, оставленный непріателемъ, былъ занятъ Русскими. Унгернъ и Долгорукій немедленно

отправились далѣе, чтобъ схватить Варпу и Шумлу, по выраженію Румянцева. Генераль-поручикъ Потешкинъ въ то же время осаждалъ Силистрію, и на помощь къ нему двинуть былъ генераль-поручикъ Глѣбовъ. Румянцевъ воспользовался этими успѣхами, чтобъ отдѣлаться отъ составленія плана для будущей кампаніи, котораго у него требовали изъ Петербурга. Онъ писалъ императрицѣ: „Я питаю и теперь въ себѣ ту же прискорбность, съ которою поступилъ я на обратный переходъ изъ-за Дуная; но в. и. в.-ство въ моихъ донесеніяхъ, кромѣ причинъ, въ тому удившихъ, соизволили видѣть исполненіе, въ томъ послѣдовавшее, согласно совѣта всѣхъ генераловъ. изъ которыхъ ежели бы хотя одинъ тогда вызвался знать лучшіе къ чему-нибудь способы, я бы, конечно, въ томъ каждому послѣдовалъ. Я ждалъ времени и случая, и сими обоими воспользовался знаменитѣе, нежели иногда отъ самыхъ большіхъ предположеній. Плѣнъ изъ непріятельскихъ войскъ не малый, и между онымъ первостепенныхъ чиновъ; получили всю артиллерію непріятельскую, и городъ Базарджикъ былъ въ нашихъ рукахъ безъ всякой почти потери и безъ нумернаго выстрѣла; ибо мѣры наступленія и дѣйствій нашихъ толь удачно приняты въ сію пору, что непріятель толико стѣсненъ и нуждою, и страхомъ, что бѣжить отъ лица идущихъ на него войскъ, потерявъ свой станъ и лишася толь нужныхъ ему приготовленій для зимы. Планы, обыкновенно дѣлаемые въ началѣ только войны или въ началѣ кампаніи для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій, предполагаемыхъ отъ разныхъ и дальнихъ пунктовъ, или въ общемъ дѣлѣ съ союзниками, бывають однакожь отвержены перѣдкою перемѣнѣ, по приближеніи къ непріятелю предается тогда искусству военачальника располагать дальнія предпріятія на него, по видимой на то время и удобства и предстоящимъ обстоятельствамъ: и я долгое уже время со вѣренными мнѣ войсками раздѣляюсь съ непріателемъ, и то не вездѣ, одною только рѣкою: сдѣдственно, сколько ежедневно можетъ (непріятель) перемѣнять свое положеніе, столько неудобно, а напаче теперь, назначать и намъ свои противъ него дѣйствія на будущее время, которыя, по моему мнѣнію, зависятъ болѣе отъ случаевъ и начальнаго на то время усмотрѣнія; ибо сіи послѣднія части открываютъ путь къ знаменитымъ предпріятіямъ, нежели великія предположенія быть могутъ выполнены безъ препятствія и затрудненія“.

Пріѣхавшій съ этимъ письмомъ 14 ноябрю кн. Васил. Долгорукій обнадѣживалъ императрицу, что дней черезъ шесть могутъ быть получены извѣстія объ успѣхѣ Унгерна и кн. Юрія Долгорукаго. Но прошая двѣ недѣли слишкомъ, и 29-го ноября получено извѣстіе, что предпріятіе Унгерна на Варпу не удалось, а кн. Долгорукій, сдѣлавши одинокъ переходъ къ Шумлѣ, возвратился назадъ къ Карасу. О томъ, что дѣлалось подъ Силистрію.

фельдмаршалъ ничего не писалъ. „Что у Силистрии произошло“, писала Екатерина Румянцеву, „о томъ вовсе вы не упоминаете и оставляете меня въ глубокомъ невѣдѣніи, а мысли мои въ произвольномъ волненіи, которыя однакожь болѣе склоненія имѣютъ ни малѣйшей полагать надежды на бомбардираду, съ которой городъ не возьмется, ниже большій ему вредъ не причинится. Но хотя слѣдствія у Карасу произведеннаго бою не были таковы, какъ на первый взглядъ они обѣщали быть, однакоже не менѣе сіе дѣло подтвердило, съ одной стороны, утвердившіяся мнѣнія о храбрости нашихъ войскъ и что въ полѣ сей непріятель поверхности не будетъ имѣть въ теперешнемъ онаго состояніи и обстоятельствахъ, лишь бы гдѣ атакованъ былъ, а съ другой, не можетъ никакъ полезно быть для дѣла нашихъ всякое за Дунаемъ ваше предпріятіе, и тутъ, конечно, всякій вашъ шагъ способствуетъ или отдаляетъ народный покой и тишину, совокупленную съ блаженствомъ онаго. И въ такомъ видѣ съ немалымъ удовольствіемъ услышала я о Карасуфскомъ дѣлѣ; сожалѣю только, по позднему годовому времени, что все сіе не можетъ имѣть толковыхъ пользъ, какъ изъ того произойти могло, если-бъ предпринималось мѣсяцевъ съ шесть тому назадъ“. — Сдѣлавъ такимъ образомъ вышесказанное Румянцеву, что онъ сдѣлалъ дурно, вернувшись изъ-за Дуная, что на немъ лежитъ отвѣтственность за продленіе тяжелой войны, Екатерина продолжаетъ: „Но дабы будущій годъ также попустому не прошелъ и дабы недостатокъ въ пропитаніи опять не служилъ препятствіемъ къ дѣйствию, не могу оставить вамъ сызнова наискрѣпчайшимъ образомъ подтвердить, чтобъ вы старались къ будущей кампаніи наполнить ваши подунайскіе магазины такъ, какъ я къ вамъ писала, дабы дѣйствіемъ вашимъ на супротивномъ берегу не могло причиниться остановка, и кампанія та не прошла безъ достиженія мира сильнымъ употребленіемъ оружія,—о чемъ немедленно отъ васъ ожидаю много уже разъ мною отъ васъ требуемаго мнѣнія, которое, если еще долѣе замедлится, опасность состоитъ, что не ко времени приплететь, и слѣдовательно на будущій годъ во всемъ наги опоздать можемъ, въ чемъ ни пользы, ни славы, ни чести не вижу. Каковы бы усердіе и ревность въ сердцѣ имперіи служащихъ знаменитыхъ людей, какъ вы, ни были; каковы трудъ и радѣніе, мною ежечасно прилагаемые, ни будутъ: но свѣтъ васъ и меня судить по однимъ успѣхамъ нашимъ; сіи насъ въ мысляхъ людскихъ оправдаютъ (оправдываютъ) и обвиняютъ попеременно, а наипаче въ теперешнее время, когда послѣ пятнадцатилѣтней счастливой войны подданные ждуть мира единственно отъ дѣлствій вашихъ“. 30-го декабря Совѣту объявлена высочайшая воля: предписать гр. Румянцеву, чтобъ онъ въ будущую кампанію, по взятіи Варны и разбитіи визиря въ Шумлѣ, не полагалъ Балканы предѣломъ военныхъ дѣлствій. Положено заготовить къ нему рескриптъ, гдѣ, вы-

разивъ эту волю, оставить производство дѣлствій за Дунаемъ на его благоусмотрѣніе.

Разрывъ мирныхъ переговоровъ вызвалъ къ дѣятельности и русскій флотъ. Еще въ сентябрѣ 1772 года новоприбывшая изъ Балтійскаго моря эскадра, подъ начальствомъ капитана Коняева, сожгла при Патрасѣ 16 турецкихъ судовъ; въ то же время русскія суда „дѣлали непріятелю разореніе и тревогу“ у береговъ Египта и Сиріи, гдѣ поддерживали возставшаго противъ Порты египетскаго пашу Алибей. Въ 1773 году русскіе корабли явились снова у береговъ Сиріи, подъ начальствомъ капитана Кожухова. Друзья обязались признавать надъ собою покровительство Россіи и воевать съ Турками, пока Русскіе воюютъ съ ними; Русскіе осадили Бейрутъ, принудили его къ сдачѣ и отдали крѣпость Друзамъ, которые, по условію, заплатили имъ 250,000 піастровъ; деньги эти были раздѣлены по эскадрѣ, причемъ десятая доля пошла главному командиру надъ всѣмъ флотомъ. Между начальниками судовъ въ этихъ экспедиціяхъ мы видимъ Грековъ и южныхъ поморскихъ Славянъ, которые, по отзыву Спиридова, „для своихъ прибылей гораздо храбрѣе, нежели какъ изъ одного только жалованья служили“. Любопытно, что Орловъ запретилъ нейтральнымъ судамъ входить въ Дарданеллы и предписалъ Спиридову, чтобъ тотъ и при постановленіи условій перемирія настоялъ на этомъ запрещеніи. Но Сокольничевъ рѣшилъ изъяснить Орлову, что это можетъ не только удержать Турокъ отъ заключенія перемирія, столь нужнаго для Россіи, но и обратить противъ малочисленнаго русскаго войска всѣ силы и притомъ ввести насъ въ новую войну съ „ненавидящими насъ“ Французами.

Императрица была недовольна тѣмъ, что флотъ, не имѣя десанта, не могъ сдѣлать ничего важнаго, не могъ помочь сухопутной арміи принудить Турокъ къ заключенію мира. Осенью 1773 года находились въ Петербургѣ гр. Алекс. Григор. Орловъ и контръ-адмиралъ Грейгъ. Въ Совѣтѣ происходили любопытныя разсужденія по поводу ихъ требованій. Въ засѣданіи 3 октября императрица спросила членовъ Совѣта, съ какою цѣлью они хотятъ посылать новую эскадру въ Архипелагъ; находящійся тамъ флотъ стбитъ много, а не можетъ наносить вреда непріятелю. „Если онъ“, сказала Екатерина, „можетъ быть употребленъ для какого-нибудь предпріятія, и надобны будутъ на него сухопутныя войска, то я беру на свое попеченіе ихъ доставить“. Ей отвѣчали, что эскадра отправляется, по требованію гр. Алексѣя Орлова, для перемѣны обветшалыхъ кораблей, и если флотъ не находитъ способа вредить непріятелю, то все же облегчаетъ сухопутную армію, отвлекаетъ отъ нея непріятеля. Императрица приказала при будущихъ разсужденіяхъ о флотѣ приглашать въ Совѣтъ гр. Алексѣя Орлова, и прибавила, что, любя порядокъ, почитаетъ своею обязанностию наблюдать, чтобъ

ничто въ ея имперіи не оставалось безъ пользы. Черезъ три днѣ, 7 октября, въ Совѣтъ присутствовалъ Алексѣй Орловъ. Императрица спросила его, въ какомъ положеніи находится дѣла въ Архипелагѣ и нельзя ли извлечь изъ флота большую пользу. Орловъ отвѣчалъ, что изъ находящихся тамъ кораблей пять совсѣмъ обветшали; что въ нынѣшнюю кампанію онъ намѣренъ былъ разорить Салоники и Смирну, для пресѣченія привоза запасовъ къ непріятелю чрезъ эти мѣста, но болѣзнь принудила его оставить флотъ: „Я не думаю“, говорилъ Орловъ, „чтобъ непріятельскій флотъ могъ появиться въ Архипелагѣ; Турки съ тѣхъ поръ, какъ узнали малочисленность нашихъ сухопутныхъ силъ тамъ, ужь не такъ ихъ опасаются; побѣждаемы они были малымъ числомъ, потому что обыкновенно пугаются всего того, о чемъ не знаютъ; но, пришедши потомъ въ себя, принимаютъ достаточныя мѣры“. Тутъ началъ говорить гр. Григорій Орловъ: „Это свойственно Туркамъ, какъ и всѣмъ невѣждамъ; потому-то и не надобно давать имъ время на размышленіе, а стараться пользоваться ихъ замѣшательствомъ; такъ же надобно поступать съ ними и при мирныхъ переговорахъ; этимъ средствомъ можно скорѣе получить желаемое“. Императрица замѣтила, что, по ея мнѣнію, полезнѣе предпринять что-нибудь на одномъ европейскомъ берегу, какъ ближайшемъ къ непріятельской столицѣ. На это Чернышевъ и Алексѣй Орловъ отвѣчали, что съ малымъ числомъ войскъ нельзя утвердиться на этомъ берегу, гдѣ непріятель можетъ собраться тотчасъ въ числѣ 40,000, и потому предпріятіе можетъ принести одну пользу,—встревожить Турокъ на время и привлечь ихъ силы въ ту сторону. Гр. Панинъ замѣтилъ, что отправка въ Архипелагъ новой эскадры можетъ причинить непріятелю новыя безпокойства, и онъ надѣется, что зимою Турки возобновятъ мирные переговоры. Императрица отвѣчала на это: „Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы, не полагаясь на заключеніе мира, приняты были сильныя мѣры для достиженія этого къ будущей кампаніи; долгая война приведетъ народъ въ уныніе, и потому никто такъ мира не желаетъ, какъ я. Надобны ли во флотъ сухопутныя войска и сколько: довольно ли 20,000?“ Алексѣй Орловъ отвѣчалъ, что съ 20,000 могъ бы онъ идти прямо на Константинополь. Императрица спросила: „Нельзя ли овладѣть Галлиполи; я бы могла доставить на флотъ четыре или пять тысячъ иностраннаго войска.“ Чернышевъ отвѣчалъ, что отъ иностраннаго войска будутъ большія неудобства; а Панинъ замѣтилъ, что враждебныя державы, узнавъ объ этомъ, могутъ выставить препятствія. „Кромѣ всѣхъ неудобствъ при употребленіи иностранныхъ войскъ“, сказалъ Алексѣй Орловъ, „всякій успѣхъ

будетъ имъ приписанъ; для избѣжанія мнѣнія, что мы безъ Англичанъ ничего сдѣлать не можемъ, я всегда старался употреблять, сколько можно, своихъ офицеровъ.“ Императрица на это замѣтила, что при Петрѣ Великомъ были примѣры употребленія иностранныхъ войскъ и надобно сранивать неудобства съ выгодами. Екатерина вышла изъ Совѣта, выразивъ ясно свое неудовольствіе на ходъ войны: „Флотъ“, сказала она, „не дѣлаетъ ничего и армія едва дѣйствуетъ; а непріятель этимъ пользуется, и все это происходитъ собственно отъ насъ“. По выходѣ императрицы, Алексѣй Орловъ предложилъ Совѣту отправить съ Грейгомъ новую эскадру, не теряя удобнаго времени, разрѣшивъ ему быть встрѣчныхъ Варварійцевъ; Совѣтъ согласился. Орловъ предлагалъ также не заключать съ Турками перемирія, чтобъ не дать имъ въ это время пользоваться совѣтами Франгузовъ. О себѣ Орловъ говорилъ, что видитъ волю императрицы, чтобъ онъ продолжалъ начальствовать надъ флотомъ, отъ чего, какъ усердный сынъ отечества, не уклонится; но не можетъ отвѣчать за себя въ исправномъ исполненіи возложеннаго на него дѣла, потому что подверженъ частымъ болѣзненнымъ припадкамъ. 21 октября Грейгъ вышелъ изъ Кронштадта съ двумя кораблями, двумя фрегатами и шестью транспортными судами²⁾.

Положеніе дѣлъ къ Крыму также должно было возбуждать неудовольствіе Екатерины, причѣмъ она имѣла большее право говорить, что это происходитъ собственно отъ насъ. Мы видѣли, что калга Шагинъ-Гирей выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ. Этотъ татарскій дофенъ недаромъ привлекъ къ себѣ вниманіе Екатерины и Двора ея своими способностями. Перенесенный изъ степей въ верхній слой петербургскаго общества, онъ отдался въ плѣнъ цивилизаціи, выговоривъ себѣ только сохраненіе татарской шапки и памяти о происхожденіи отъ Чингисъ-хана. Но эта память жила въ немъ не напрасно. Чудеса цивилизаціи, могущество, которое, повидимому, она давала прежнимъ данникамъ татарскимъ, возбуждали въ Гирей страшное честолюбіе. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало воспользоваться роковымъ подаркомъ, предложеннымъ Россією, хотѣлъ съ ея помощью утвердить независимость Крыма, отторгнуть его навсегда отъ обветшавшей Турціи, сдѣлаться ханомъ; но онъ не хотѣлъ на этомъ останавливаться, не хотѣлъ мѣнять зависимости отъ Шорты на зависимость отъ Россіи. Онъ хотѣлъ пріобрѣсть могущественныя средства цивилизаціи, могшія дать ему силу, умѣнье поддержать свою самостоятельность. Ничтожность крымскихъ владѣній, разумѣется, бросалась при этомъ въ глаза какъ главное препятствіе; но Шагинъ-Гирей зналъ, что

¹⁾ Собственноруч. на Француз. яз. въ Государств. Архивѣ.

²⁾ Дѣла Турецкія 1773 года.—Архивъ Госуд. Сов. того же года.—Записки Гидрографич. Департам. VII. 350 и слѣд.—Сборникъ Русск. Ист. Общ. XIII, годъ 1773.—Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи 1865 года, кн. 2.

Чингисъ-ханъ и Тамерланъ начинали такъ же съ малаго и доходили до обширѣйшихъ имперій; онъ уже мечталъ о близкомъ Кавказѣ, о его воинственномъ населеніи, которое можетъ такъ хорошо служить для завоевательныхъ замысловъ; о сокровищахъ, которыя лежатъ нетронутыми въ шѣдрахъ пресловутыхъ горъ и которыя должны вскрыться на голосъ цивилизаціи и обогатить новую черноморскую имперію Гиреевъ.

Съ такими-то мечтами возвратился Шагинъ въ Бакчисарай: здѣсь онъ продолжалъ высказывать прѣхавшему съ нимъ кн. Путятину свое чрезвычайное усердіе къ Россіи; открылъ ему, что существуетъ въ Крыму партія, жалающая возвратиться въ турецкое подданство. „Въ надеждѣ на Бога и на заступленіе императрицы“, говорилъ калга, „но сіе время вижу себя въ слухъ управителю съ общими злодѣями. Я зашелъ теперь въ лѣсъ, издавна безъ присмотра запущенный; если я не смогу искривившееся по застарѣлости дерево распрямить, то буду его срубить“. О братѣ своемъ, ханѣ, онъ говорилъ: „Можетъ ли человекъ, сѣвъ на необъязанную лошадь, вѣять по волѣ своей надлежащимъ путемъ, когда отдастъ другому поводъ въ руки? Но скоро Шагинъ былъ озадаченъ и справедливо раздраженъ уступчивостью Россіи, которая въ переговорахъ съ Турціею соглашалась признать власть султана надъ Крымомъ въ духовныхъ дѣлахъ, влѣдствіе чего всѣ судьи въ Крыму должны были назначаться константинопольскимъ муфтіемъ и во пятницамъ должно было совершаться всенародное молебствіе за султана. Шагинъ говорилъ Путятину: „Все это не только знакъ верховной власти Порты надъ Крымомъ, но и знакъ прежней приверженности его къ ней, такъ какъ единство вѣры нисколько не обизываетъ Крымъ сохранять свою связь съ Турціею; есть много магометанскихъ владѣній, которыя не только не подвластны Портѣ, но и ни малѣйшаго сношенія съ нею не имѣютъ“. Слезы навернулись на глазахъ у Шагина отъ досады, и онъ продолжалъ: „Если такъ будетъ, то ни брату, ни мнѣ здѣсь оставаться нельзя; наше состояніе будетъ похоже на состояніе человека, у котораго надъ головою виситъ большой и плохо прикрѣпленный камень, могущій всякую минуту его задавить; подданные наши, при такомъ положеніи, по непостоянству своему и скотскимъ нравамъ, будутъ имѣть возможность дѣлать непрерывныя возмущенія какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по просякамъ султановъ (крымскихъ Гиреевъ), которыхъ немало въ Турціи“.

Отъ 13 марта Путятинъ писалъ въ Петербургъ: „Велико здѣсь общее къ намъ недоброжелательство; калга показываетъ чистосердечное къ намъ усердіе, противоборствуя этому недоброжелательству. Всѣ злоумышленные вѣроломцы здѣшняго общества его ненавидятъ, страшатся и простираютъ мысли свои, какъ бы его избыть“. Калга говорилъ Путятину: „Я и прежде хорошо зналъ безцутство

своихъ одноземцевъ; но теперь нашелъ ихъ въдесятеро еще хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде. Съ людьми такими неблагодарными, Русскимъ и мнѣ враждебными, остаться я не могу, потому что общалъ ея императорскому величеству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостатъ Россіи и себѣ быть полезнымъ, то, покинувъ родную страну, принужденъ буду искать убѣжища подъ покровомъ императрицы“.

Ханъ, по возвращеніи калги, собралъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ. Шагинъ-Гирей превозносилъ щедроты Русской государыни и объявилъ, что будетъ всегда благодаренъ за это и усерденъ къ Русскому союзу, ибо видитъ въ этомъ союзѣ прочное и постоянное благоденствіе Крыма вообще и каждаго его жителя въ особенности. Потомъ спросилъ у собранія, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману, нарушенію клятвы; что имѣютъ они въ виду: желаютъ ли вольности, которая, какъ главное въ жизни человеческой блаженство, доставляется покровительствомъ ея императорскаго величества? — „Мы находимся между двумя могущественнѣйшими державами въ мірѣ“, былъ отвѣтъ; „обѣихъ ихъ, Россіи и Турціи, мы одинаково боялись; находясь въ опасности отъ первой, соглашались на всѣ ея предложенія, и, въ то же время, боясь другой, сносились съ нею, представляя привязанность къ прежнему своему состоянію. Мы обмануты, огорчены Россіею, которая отнимаетъ у насъ собственныя наши земли, и, обращаясь съ нами лживо, во всѣхъ своихъ поступкахъ при всякомъ почти случаѣ даетъ намъ чувствовать свою жестокость“. Калга возражалъ, что ничего подобнаго Россіею не сдѣлано, и если-бъ она хотѣла мстить имъ за ихъ вѣроломство, то обратила бы ихъ земли въ пустыню и лишила бы ихъ дневнаго пропитанія, что и сдѣлается, если они, ведя себя коварно относительно Россіи и ставши подозрительны Портѣ, будутъ продолжать пагубное колебаніе. „Если“, говорилъ Шагинъ, „вы хотите быть вольными съ помощію Россіи, то выдайте мнѣ немедленно возмутителей общаго спокойствія, подавшихъ поводъ къ нарушенію клятвы“. Шагинъ поступилъ неосторожно, попернулъ слишкомъ круто; на его требованіе отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Раздраженный этимъ, калга не могъ ужь остановиться и потратилъ послѣдній зарядъ: „Данныя вами клятвы“, сказалъ онъ, „и полномочіе, на меня возложенное при отъѣздѣ въ Россію, обязываютъ васъ мнѣ повиноваться; но если вы откажетесь отъ повиновенія, то я принужденъ буду убѣгать изъ отечества“. Ему отвѣчалъ: „Мы васъ не удерживаемъ, на ваше мѣсто найдется много людей, а впрочемъ ханъ — вашъ и нашъ государь, ему одному обизаны мы повиноваться“.

Послѣ этого Шагинъ-Гирей сообщилъ командующему второю арміею кн. Долгорукому о своемъ желаніи сдѣлаться самовластнымъ ханомъ надъ

Татарами, ибо только въ такомъ случаѣ онъ можетъ утвердить самостоятельность Крыма: иначе же онъ тамъ оставаться не можетъ. Совѣтъ, получивши донесеніе кн. Долгорукаго, разсуждалъ, что взглядъ калги-салтана совершенно основателенъ и справедливъ, но все же при настоящихъ обстоятельствахъ поступить такъ нельзя: эта перемена нарушила бы наши договоры съ Татарами и подала бы Туркамъ поводъ опять склонить ихъ на свою сторону; на совершенное отдѣленіе Татаръ отъ Турокъ надобно употребить еще много лѣтъ. Рѣшено, чтобъ графъ Панинъ отправилъ къ Шагинъ-Гирею письмо, гдѣ похвалилъ бы калгу за его усердіе, объяснилъ въ общихъ выраженіяхъ невозможность исполнить его желаніе, обнадежилъ покровительствомъ императрицы и общалъ во всякомъ случаѣ убѣжище въ Россіи. Панинъ написалъ Шагинъ-Гирею (отъ 14 іюля): „Ежели бы дѣла до такой крайности дошли, чтобъ вы не нашли полной для себя въ отечествѣ безопасности и дальнѣйшее намъ тамъ присутствіе оказалось бы дѣйствительно бесполезнымъ для вразумленія Татаръ, а для васъ собственно бѣдственнымъ, — то отъ васъ будетъ зависѣть возымѣть прибѣжище въ границы ея в—ства имперіи“. Шагинъ-Гирею не оставалось ничего другого, какъ выѣхать изъ Крыма, и онъ написалъ Долгорукому, что „Богъ, видно за грѣхи, удалилъ его изъ отечества и странствовать пустилъ по чужимъ угламъ и дворамъ“. Шагинъ просилъ удалить его въ такое мѣсто, гдѣ бы его никто не зналъ. На донесеніе Долгорукаго императрица отвѣчала (отъ 4 октября): „Калгасалтанъ, воспріявъ, при обстоятельствахъ отечества своего для него опасныхъ, въ границы имперіи нашей прибѣжище, совершенно достойнъ самъ по себѣ, такъ и для могущихъ быть примѣровъ, чтобъ при сей постигшей его крайности видѣлъ продолженіе къ себѣ нашей милости. Мы за пристойнѣе однако находимъ остаться ему до времени и еще на границѣ, нежели взяту быть тотчасъ сюда ко Двору нашему, ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ бы оказаться какъ бы вовсе уже отторгнутымъ и навсегда удаленнымъ отъ своего отечества и отъ всѣхъ Татаръ, къ обрадованію и подкрѣпленію своихъ недоброжелателей и къ погашенію памяти своей въ народахъ, еще недавно искренно и усердно его почитавшихъ. Итакъ имѣете вы дать ему уразумѣть сіи уваженія, требующія не отставать ему совершенно отъ Татаръ и не казаться отчаявшимся отъ участванія ихъ дѣлъ и правительства, но въ готовности и состояніи находящимся, при первомъ удобномъ случаѣ, явиться и вступить въ оное“. Шагинъ поселился въ Полтавѣ, получая на содержаніе по 1,000 рублей въ мѣсяцъ.

Непріятныя вѣсти съ Дуная, непріятныя вѣсти изъ Крыма; изъ Польши особенно непріятныхъ вѣ-

стей не было; но тамъ дѣло затягивалось, вслѣдствіе чего нельзя было выводить оттуда войска.

Отъ 18-го января Станиславъ-Августъ писалъ Екатеринѣ: „Среди бѣдствій, меня окружающихъ и грозящихъ мнѣ, осмѣливаюсь быть увѣреннымъ, что найду въ вашемъ и-скомъ в-ствѣ снисходительнаго судью всѣхъ моихъ поступковъ со времени раздробленія Польши, судью тѣмъ болѣе снисходительнаго, что в. в-ство, будучи одушевлены естественною справедливостью, собственнымъ величіемъ и, позвольте прибавить, прежними милостями ко мнѣ, безъ сомнѣнія обратите вниманіе на все, что я долженъ былъ дѣлать, исполняя обязанности моего мѣста, сохраняя чистоту моей репутации, уничтожая ложные слухи, къ несчастію слишкомъ распространенные, будто я зналъ все заранѣе и даже былъ участникомъ договора, лишившаго Польшу части ея владѣній. Тяжкій опытъ научилъ меня слишкомъ хорошо, что недостаточно быть всегда на дѣлѣ безупречнымъ, и что клевета можетъ стать пагубною для самихъ государей (особенно въ положеніи, подобномъ моему). Вы это знаете, и потому я вѣрю, что въ глубинѣ своего сердца вы сами страдаете отъ бѣдствій, которыя я претерпѣваю; вѣрю, что вы заняты мыслію о томъ, какъ бы ихъ смягчить. Позвольте же обратиться къ вашимъ стариннымъ титуламъ моей благодѣтельности и друга, и удостойте меня выслушать о прошедшемъ и настоящемъ. Не теперь только я узналъ трудности положенія, когда нельзя соединить того, чего бы хотѣлось, съ тѣмъ, къ чему долгъ обязываетъ. Болѣе шести лѣтъ эти затрудненія составляютъ мученіе моей жизни. Поставленный между благодарностію, влекушею меня входить въ ваши виды, и противорѣчащимъ этимъ видамъ подчиненіемъ моимъ національной волѣ, я провелъ все это долгое время въ заботахъ, какъ бы уничтожить это противорѣчіе, и встрѣчалъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленіе неодолимое. Я ссылаюсь на ваше императорское величество, сколько употреблялъ я для этого усилій, со сколькими просьбами, нѣжными и настоятельными, я обращался къ вамъ для этой дѣли, и чего я не дѣлалъ для успокоенія моего народа, для внушенія ему началъ благоразумія и его истинныхъ интересовъ! И какой же результатъ всѣхъ этихъ заботъ? — среди народа, которому я жертвовалъ всѣмъ, я встрѣтилъ ножъ убійцы, и вы, государыня, которой я не предпочиталъ ничего, кромѣ моихъ обязанностей, вы лишили меня части нашихъ милостей, какъ неблагоприятнаго. Такимъ образомъ, моя добросовѣстность была причиною моихъ несчастій. Но противъ этихъ несчастій неужели нѣтъ никакого средства? Ваше величество такъ усердно воздаете почести добродѣтели, такъ ревниво бережете для себя значеніе ея подпоры и такъ достойны этого: неужели только относительно меня одного она теряетъ права въ вашемъ сердцѣ? Нѣтъ, я позволяю себѣ надѣяться, что я вытерпѣлъ долгое и жестокое испытаніе, которое должно имѣть конецъ

¹⁾ Дѣла Крымскія, 1773 года. Архивъ Госуд. Сов. I, 261.

и получить награду. Вы можете сдѣлать все для меня и для моего отечества. Я вполне поручаю вамъ свои частные интересы; но я долженъ ходатайствовать за этотъ несчастный остатокъ, который долженъ носить еще имя Польши. Вамъ стоять только захотѣть, — и всебудетъ вамъ возможно. Ваши союзники уважатъ вашу волю, какъ скоро вы ее объявите. Если они заставили васъ сдѣлать Польшѣ зло, то заставьте ихъ, въ свою очередь, сдѣлать ей добро. Приобрѣтите передъ ними эту драгоценную выгоду, столь достойную быть угодию вамъ. Я искалъ повсюду помощи — и не нашелъ нигдѣ. Въ этомъ безпомощномъ состояніи я вижу приближеніе минуты, когда я съ моимъ народомъ долженъ преклониться передъ рокомъ; я это чувствую — и не намѣренъ попустому сопротивляться. Но, прежде чѣмъ я подвергнусь ударамъ судьбы, умоляю, не откажите мнѣ въ утѣшеніи: сообщите мнѣ о томъ, что вамъ угодно сдѣлать для насъ, какое вознагражденіе назначаетъ намъ ваша справедливость, и если всякая надежда спасти Польшу становится невозможною, удостойте принять просьбу о томъ, что я считаю необходимымъ въ томъ положеніи, въ какомъ Польша будетъ находиться, и что можетъ, хотя нѣсколько, смягчить ея бѣдствія“.

„Ваша откровенность“, отвѣчала Екатерина, „заставляетъ меня заплатить вамъ такую же откровенностію. Мой характеръ не знаетъ другого языка, и этотъ языкъ я употребляла всякій разъ, когда говорила съ вами о вашихъ интересахъ и объ интересахъ вашего народа. Когда обстоятельства перемѣнились и дошли до той степени, на какой находятся теперь, то мнѣ нельзя, отдѣльно отъ молвъ союзниковъ, соглашаться или благоприятствовать тому или другому распоряженію, болѣе или менѣе свойственному положенію вашего государства. Ссылаюсь на ваше величество и на публику: въ то время, когда я одна принимала участіе въ вашихъ дѣлахъ, не дѣлала ли я всего, не жертвовала ли я всею для устройства этихъ дѣлъ въ пользу республики! Доведенная до крайности интригами и партіями вашего народа, я должна была войти въ соглашеніе съ двумя другими сосѣдями Польши, чтобы общими силами покончить съ ея смутами и бѣдствіями, отзывавшимися и въ нашихъ собственныхъ государствахъ. Несмотря на все затрудненія, причиненныя Поляками въ моихъ дѣлахъ, я въ своемъ соглашеніи съ сосѣдями не потеряла изъ виду блага Польши. Это благо состоитъ для вашего величества въ цѣлости вашей короны, для націи — въ прочномъ успокоеніи, въ свободномъ правленіи, болѣе правильномъ, болѣе спокойномъ, болѣе безопасномъ для нея самой и для сосѣдей. Что касается подробностей, то мой министръ и министры двухъ другихъ Дворовъ снабжены одинакими инструкціями. Поговоривши такъ откровенно съ вашимъ величествомъ, я бы вѣчно упрекала себя, умолчавъ, что потеряю всякую надежду видѣть упроченіе

для васъ выгоды этого соглашенія, если и теперь вы будете слушать гибельные совѣты тѣхъ, которыхъ интриги низвергли ваше государство въ шучину смутъ и раздоровъ. въ анархію, грозившую ему окончательнымъ разрушеніемъ, отъ чего оно было предохранено только вмѣшательствомъ трехъ сосѣднихъ державъ“.

Инструкціи для министровъ трехъ Дворовъ, упоминаемая императрицею, были отправлены Штапельбергу 24 февраля. Въ нихъ говорилось: „Если будетъ замѣчено, что король, въ виду необходимости, расположенъ войти въ виды трехъ Дворовъ, то можно войти съ нимъ въ соглашеніе относительно направленія сейма, разумѣется, когда будетъ увѣренность, что никакаго интересъ, никакая интрига, никакое чуждое вліяніе не могутъ тутъ вмѣшаться ко вреду трехъ Дворовъ. Король исключается тѣмъ менѣе, что въ этой, чисто національной, операціи признано полезнымъ допускать дѣятелей всякой партіи, если только они искренно захотятъ покончить со смутами своего отечества (эти строки первоначально были написаны рукою самой Екатерины). — Министры должны имѣть на сеймикахъ извѣстное число вѣрныхъ людей, которые обязаны направлять все къ предположеннымъ цѣлямъ; при назначеніи этихъ лицъ надобно имѣть въ виду не количество, а качество. Такъ какъ одна сила не достаточна для того, чтобы заставить сеймики дѣйствовать въ видахъ трехъ Дворовъ какъ при назначеніи депутатовъ, такъ и въ дачѣ имъ инструкцій, то необходимъ подкупъ, для котораго три Двора назначаютъ при своихъ министрахъ кассу; доля каждаго Двора не можетъ быть менѣе 150—200 тысячъ талеровъ. Касса находится въ общемъ распоряженіи троиухъ министровъ и безъ согласія всехъ троиухъ не дѣлается изъ нея ни одной выдачи. Агенты, зная сильную и слабую стороны каждаго сеймика, даютъ знать министрамъ, какое средство должно быть употреблено преимущественно, или въ какой степени должны быть употреблены все средства, и министры, вслѣдствіе этого извѣщенія, употребляютъ или военную силу, или увѣщаніе, или подкупъ. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности достигнуть чего-нибудь на свободномъ сеймѣ при *liberum veto*, то министры должны устроить сеймъ конфедерационный (подъ узломъ конфедерации, какъ говорили Поляки). Настоящіе агенты, которыхъ министры будутъ избирать, должны быть люди средняго класса, не связанные ни съ Варшавскимъ Дворомъ, ни съ саксонскою партіею, и которые исключительную возможность улучшения своей участи будутъ видѣть въ прекращеніи бѣдствій отечества. Когда сеймъ начнетъ свою дѣятельность, министры потребуютъ отъ него назначенія депутаціи для переговоровъ съ ними; во время этихъ переговоровъ министры не позволяютъ никакого спора о правахъ ихъ Дворовъ на области, назначенныя къ раздѣлу, никакого ограниченія или уменьшенія участковъ каждаго Двора; должны настаивать на